

Алексей Леонов: «Космос превыше политики»

Открытый космос. До входа в корабль - пять минут. Запас кислорода на 45. «Эх, здорово было бы встать сейчас на подножку и вокруг земного шара пролететь», — мелькнуло неожиданное желание у космонавта. Но романтический задор длился недолго...

О том, что случилось ровно 50 лет назад, 18 марта 1965 года, рассказывает дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт Алексей Леонов, первый в истории вышедший в безвоздушное космическое пространство.

Любовь КЛЮЕВА

Первые «сюрпризы»

— Алексей Архипович, первый выход в открытый космос наша страна провела на два с половиной месяца раньше американцев. Но цена исторического полёта была слишком высока — несколько серьёзных нештатных и смертельно опасных ситуаций. Как это было?

— У меня редкая профессия — лётчик-космонавт-испытатель. Таких в стране всего восемь человек. Мы с Павлом Беляевым знали корабль с нуля. Находились в очень высокой готовности. Всё изучили, только одних аварийных ситуаций проработали более 500, хотя руководству и преувеличили цифру до трёх тысяч. «А в полёте будет 3001-я», — сказал нам Королёв. Но их оказалось семь. Мало кто знает, что корабль «Восход-2» в отличие от пре-

да были храбрые, молодые. Я первый в истории вышел и отошёл сразу на 5 метров 50 сантиметров. Больше этого никто не делал.

— Я «Алмаз-2». Нахожусь в свободном плавании, самочувствие отличное!

— «Алмаз-2», я «Заря». Поздравляю с первым выходом в космос.

Затем слышу:

— Алексей, Лёша! Как ты себя чувствуешь? — Я узнал голос Леонида Ильича Брежнева. — Мы тебя очень ждём. Желанием успеха!

— Ваше первое ощущение — один на один со Вселенной?

— Перед тобой — яркое-яркое Солнце, вокруг тебя — звёзды, а внизу — живая карта планеты. Но меня поразила тишина. Я слышу своё тяжёлое дыхание и биение сердца. В обычных условиях мы этого не чувствуем. Артур Кларк для своего фильма «Космическая одиссея 2001» взял шумовое сопровождение из нашего полёта.

В небе над Енисеем

— Но нужно возвращаться?

— Да, над Енисеем получаю команду: «Лёша, начинай входить в корабль». Перед входом в шлюз я должен был собрать фал в бухту и прикрепить её сбоку на пояс на замок. Это я сделал. Снял кинокамеру, начинаю входить, но не тут-то было. Скафандр настолько деформировался, что меня раздуло, фаланги пальцев вылезли из перчаток. Ступни вышли из сапог. В таком состоянии невозможно втиснуться в люк шлюза. Возникла критическая ситуация.

Советоваться с Землёй было некогда. Сам принимаю решение сбросить давление наполовину, чтобы убрать жёсткость скафандра. Это было страшно и очень опасно. Могло произойти закипание азота в крови. Сбросив давление, руки встали

Скафандр настолько деформировался, что меня раздуло, фаланги пальцев вылезли из перчаток. Ступни вышли из сапог. В таком состоянии невозможно втиснуться в люк шлюза. Возникла критическая ситуация.

на место, ноги — тоже, и я легко вошёл в шлюз головой вперёд. Но надо же ещё развернуться и закрыть за собой крышку люка! А как? Я в скафандре — 1,9 ме-

тра, а диаметр шлюза — 1,2 метра. У меня пульс дошёл до 190 (по словам космических медиков это почти смертельно). Меняю позицию: иду в люк не ногами вперёд, а просовываю руки, хватаюсь за леера и протаскиваю себя внутрь шлюза. Вот здесь была самая большая нагрузка. Пот бежал ручьями, выедал глаза. Но я всё сделал.

— А дальше вас ждали новые «сюрпризы»...

— Ещё какие! Казалось бы, работа выполнена. Оставалось только вернуться на Землю. И вот тут-то обнаружилось, что «автоматическое приземление», которое ориентирует корабль, отказало. Он пошёл на следующий виток и исчез из видеонаблюдения. На земле это был шок!

Королёв спрашивает: «Где вы сидите?» «Алмаз» отвечает: «Мы не сидим, а находимся над вами. Просим разрешения сажать корабль вручную».

В космической практике такого ещё не было. Вдруг неожиданно наступила минута слабости. Смотрю на землю, там тихо. Думаю, где-то четырёхлетняя дочка бежит, где-то мои друзья, родители, и они ничего не знают, что у нас тут происходит. А наша жизнь висела на волоске. Спасали себя сами. В голове постоянно вертелось: «А правильно ли мы всё делаем?»

Но вот видим: пылинки стали осаждаться, начинается перегрузка. В иллюминатор смотрю — дым, пламя, расплавленный металл. Потом перегрузка упала, мы сыплемся, как камень, потом — рывок. Это вышел тормозной парашют. Затем рывки повторились. Свист в стропах. Тишина. Вокруг темнота... Вдруг — взрыв, и мы сели неизвестно где, в каком-то ущелье.

«Где мы находимся?» — спрашивает меня Беляев. «Между Обью и Енисеем. Месяца через три за нами придут на собаках», — усмехнулся я. Вылезли из спускаемого аппарата. Снега по шею. Свежий воздух, тишина. Мы обнялись, развернули радиостанцию, и я стал передавать телеграфным ключом — «всё нормально». ВН. Поздно вечером над нами закружил вертолёт...

А 23 марта нас уже встречала ликующая Москва.

Пули для Брежнева

— Вы счастливчик. Вспоминается ситуация с покушением на Брежнева, где вы вновь вышли сухим из воды. Как всё пережили?

— Там некогда было пугаться. Мне баллистики потом показали: через меня прошло четыре «трассы». С вероятностью сто процентов я должен быть поражён. Первый выстрел был в лобовое стекло

машины. Оно вылетело. Чекисту, сопровождавшему меня, раскололо бровь. Вторая пуля поразила водителя: смотрю, а у него на шее чёрная дыра, и течёт чёрная кровь. На этот выстрел я резко повернул голову, и в это время пуля проскочила мимо. Если бы я этого не

В Кремле ко мне подошёл Леонид Ильич: «Алексей, покажи шинель».

Мы спустились в раздевалку. «Ну ты не переживай, это они не в тебя, а в меня стреляли», — утешил генсек.

сделал, она попала бы прямо в висок. Следующая пуля задела мою шинель, другая прошла в районе живота. Я был в середине машины, и у меня не было возможности увернуться ни вперёд, ни назад. Справа от меня на среднем кресле сидел Береговой.

Водитель упал на баранку, машина поехала назад. Береговой ручным тормозом её остановил. Когда мы уже были в Кремле, ко мне подошёл Леонид Ильич: «Алексей, покажи шинель».

Мы спустились в раздевалку. «Ну ты не переживай, это они не в тебя, а в меня стреляли», — утешил генсек.

— Алексей Архипович, говорят, что лётчики и космонавты — люди суеверные. В чём ваше суеверие?

— Когда я был руководителем, устраивал такую картину: экипаж выходит из гостиницы и направляется к автобусу, чтобы отправиться на старт, а в это время из-за автобуса им навстречу выходит красивая девушка с двумя ведрами воды.

«Нам повезёт!» — восклицали космонавты и даже не задумывались, что это подстроено. А девушка с ведрами — это всегда к счастью.

Космос объединяющий

— Возможна ли международная экспедиция на Марс?

— Ни одна страна Марс в одиночку не потянет. Если будет принято решение, то туда отправятся представители минимум пяти государств. Но экспедиция начнётся, когда будет вынесено объединённое решение всех стран-участников. И начнётся всё с набора экипажа в возрасте 10–12 лет, который надо будет готовить лет 15. Люди должны поработать на орбитальной станции, полетать на различных кораблях.

— Сейчас идёт разговор о санкциях США в отношении России в космосе. Есть ли у нас перспектива дальнейшего сотрудничества с американцами?

— На МКС действуют 14 модулей: 5 российских, 7 американских, один европейский и один японский. Наш шестой модуль пока незапущенный. Космическая станция — живой организм, где всё взаимозависимо, вплоть до мелочей. Мы не можем просто так бросить комплекс, который поддерживается в хорошем состоянии и стоит порядка 35 млрд долларов. И пока станция живёт, сотрудничество всех стран, включая Россию, будет продолжаться. Считаю, что космос превыше политики.

Давайте лучше найдём толковых парней из двух стран, пошлём их в космос, пусть поработают там вместе, сделают что-то для общей пользы, обратятся к народам мира с добрыми словами. Так родилась когда-то программа «Союз» — «Аполлон». Над ней трудились тысячи людей по всему миру. Это был настолько мощный толчок к разрядке, который сейчас представить себе трудно.